

Schießerei und Panik vor dem Parlament [Shooting and Panic in front of Parliament]. *Neue freie Presse. Morgenblatt* [The New Free Press. Morning-Paper]. 1918, no. 19476, p. 1. (In German).

Vom Siege zu neuen Kämpfen [From Victory to the New Battles]. *Arbeiter-Zeitung. Morgenblatt* [The Worker-Newspaper. Morning-Paper]. 1918, no. 310, p. 1. (In German).

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

Broch H. Konstitutionelle Diktatur als demokratisches Rätssystem [Constitutional Democracy as Councils-System]. *Politische Schriften* [Political Essays]. Frankfurt am Main, 1978. Pp. 11–23. (In German).

Broch H. Die Straße. [The Street]. *Briefe: 1913–1938* [Korrespondence 1913–1938]. Frankfurt a. M., 1981. Pp. 30–35. (In German).

Broch H. Die erkenntnistheoretische Bedeutung des Begriffes „Revolution“ und die Wiederbelebung der Hegelschen Dialektik. Zu den Büchern Arthur Lieberts [The Epistemological Meaning of the Term „Revolution“ and the Revival of Dialectic by Hegel. On the Books by Arthur Liebert]. *Philosophische Schriften* [Philosophical Essays]. Frankfurt am Main, 1986. Pp. 257–263. (In German).

(Monographs)

Broch H. (author), Kushnir N. (transl.). *1918 – Hugjunau, ili Delovitost'. Lunatiki. Roman-trilogija v dvuh tomah. Tom 2* [Sleepwalkers. A Novel-trilogy on two volumes. Volume 2], SPb., 1996 (Translated from German to Russian).

Lützel P.M. *Kulturbruch und Glaubenskriese. Brochs Schalfwandler und Grünwalds Isenheimer Altar* [The Breaking of Culture and the Crisis of Believe. Broch's Sleepwalkers and Grünwald's Isenheim Altarpiece]. Tübingen, Basel, 2001. (In German).

Сведения об авторе:

Бессмельцева Олеся Васильевна, Санкт-Петербургский государственный университет. Магистр в области «Исследования литературы и культуры немецкоязычных народов» (СПбГУ), аспирантка кафедры истории зарубежных литератур.
E-mail: lesyabessmeltseva.tjumen@gmail.com

Bessmeltseva Olesia V., Saint Petersburg State University.

M.A. in Literature- and Culture-Studies (Saint Petersburg State University), Ph.D. student at Historie of Foreign Literatures Department at Saint Petersburg State University.

E-mail: lesyabessmeltseva.tjumen@gmail.com

РОЛЬ СОЦИАЛЬНОЙ КРИТИКИ В МОРАЛИТЕ ГУГО ФОН ГОФМАНСТАЛЯ «ИМЯРЕК»

Ю.Л. Цветков

Ивновский государственный университет, Иваново

Аннотация. Социальная критика в моралите австрийского поэта и драматурга Гуго фон Гофмансталия «Имярек». Представление о смерти богатого человека» (1911), с одной стороны, обусловлена картиной мира средневекового человека, который по христианскому кодексу хотя и презирал богатство, но использовал его в земной жизни для своих удовольствий. С другой стороны, Имярек не совсем пренебрегал моральным законом: он не делился богатством с бедными, но подавал милостыню. Он не прощал долги беднякам, но не давал умереть с голоду их семьям. Социальная критика богатого «праведника» ограничивалась, во-первых, упованиями на вечное несовершенство земной юдоли без какой-либо мысли её изменения. Во-вторых, что не свойственно образу мыслей христианина, Гофмансталь привносит в образ Имярека современную автору новую идеологию денег, которую он заимствовал в труде Г. Зиммеля «Философия денег». Имярек рассуждал о роли денег в процессе превращения социального хаоса в порядок и об их абсолютной самооценности. «Модернизированное сознание» Имярека гармонизирует социальные противоречия в обществе, утверждая их вечность. Аллегория богатства – Маммон соблазняет Имярека и показывает над ним свою власть. Но Имярека нельзя считать закоренелым грешником. Смерть, совершая суд над Имяреком, и противоборство Веры с Дьяволом подчёркивают значение Добрых деяний и Веры в жизни Имярека. Он искренне раскаивается, и его ждёт спасение. Крайне ограниченная роль социальной критики в моралите не касается глубинных противоречий общества, а служит прикрытием произвола богачей и их незаконного обогащения за счёт бедных. Консервативные идеи Гофмансталия превращают моралите в аллегория незыблемости монархической власти в обществе, что в дальнейшем получит название «австрийской идеи».

Ключевые слова: средневековая картина мира, христианский кодекс поведения, моральная заповедь, аллегория, моралите, социальная критика, ирония, сатира, гротеск.

THE ROLE OF SOCIAL CRITICISM IN HUGO VON HOFMANNSTHALS MORALITY “EVERYMAN”

Annotation. Social criticism in the morals of the Austrian poet and playwright Hugo von Hofmannsthal „Everyman. The idea of the death of a rich man“ (1911), on the one

hand, is due to the picture of the world of the medieval man, who according to the Christian code, though despised wealth, but used it in earthly life for his pleasures in dissolute life. On the other hand, Everyman did not completely neglect the moral law: he did not share wealth with the poor, but gave alms. He did not forgive the debts of the poor, but did not let their families die of hunger. The social critique of the rich "righteous man" was limited, first, to the hopes of the eternal imperfection of the earthly life without any thought of its change. Secondly, that is not peculiar to the Christian way of thinking of the righteous, even if he adds Everyman contemporary new ideology of money that he borrowed in the work of G. Simmel, „Philosophy of money“. Everyman talked about the role of money in the process of transformation of the social order out of chaos and the absolute value of money. The "modernized consciousness" of Everyman harmonizes social contradictions in society, asserting their eternity. Allegory of wealth – Mammon seduces Everyman and dictates over him his power. But Everyman can not be considered as a hardened sinner. Death, making a trial of Everyman, and the confrontation of Faith with the Devil emphasize the importance of Good deeds and Faith in the life of Everyman. He sincerely repents, and his salvation awaits. The extremely limited role of social criticism in morality does not concern the deep contradictions of society, but serves as a cover for the arbitrariness of the rich and their illicit enrichment at the expense of the poor. Conservative ideas of Hofmannsthal turn moralite into an allegory of the inviolability of monarchical power in society, which in the future will be called the „Austrian idea“.

Key words: *medieval picture of the world, Christian code of conduct, moral commandment, allegory, morality, social criticism, irony, satire, grotesque.*

В аллегорической драме Гуго фон Гофмансталя (1874–1929) «Имярек» земная сфера традиционно для жанра моралите тесно переплетается с небесной. Богатый Имярек представлен в кругу семьи, Друга, Бедного соседа, Должника и Родственников. Высшую сферу представляют Смерть и Дьявол. Кроме того, со времён барокко в моралите действуют аллегорические персонажи с поучающим смыслом: Страсть, Вера, Деяния человека и Богатство (Маммон).

Моралите XV века как средневековая модель общества

Моралите (от лат. *moralis*, англ. *morality play*) является «нравственным действием» позднего Средневековья. Оно возникло в Западной Европе как реализация игрового начала античного театра в новых реалиях Средних веков [Андреев 1989, 7]. Уместны в моралите сатирический элемент [Бахтин 1997, 26] и ограниченная социально-критическая направленность, поскольку

Священное писание являлось тем текстом, который устанавливал социальную справедливость. Если и случались крестьянские выступления, например в Германии Ганса Бёма из Никласгаузена (1476), то их предводители «фигурировали в роли религиозных пророков и посланцев Христа» [Гуревич 1990, 351]. Однако в целом, несмотря на расслоение общества, бедность и богатство, социальная проблематика не находила в литературе адекватного выражения. Господствующей тональностью были «социальный конформизм и фатализм» [Там же, 336].

Типичные персонажи моралите являлись универсальными, поскольку пороки и добродетели свойственны всем людям [Попова 1992, 39]. Основной драматический конфликт в моралите: «Это мысль о постоянной, неизбывной борьбе сил добра против сил зла, схватке сакрального и демонического принципов – конфликте, который охватывает весь универсум и вместе с тем вовлекает в себя каждого индивидуума» [Гуревич 1990, 305–306]. Нравственные принципы моралите согласуются с христианскими заповедями, а сцена является моделью мира. Финал моралите утверждал особое значение исповеди и покаяния, и после этого следовало прощение грешной души. При этом даже закоренелым грешникам было уготовано небесное блаженство.

Гофмансталь следует христианскому учению, по которому богатство для средневекового человека не является определяющим: «Праведник мыслился бедным, ибо бедность – добродетель, каковой ни в коем случае не могло быть богатство. Имущество – воплощение земных интересов, отвлекающее человека от мыслей о загробной жизни и от забот о спасении души. Вера требует отрешения от земных дел и интересов. Поэтому праведному последователю Христа богатство должно внушать презрение» [Гуревич 1984, 249]. Гофмансталь чётко разделяет мир на бедных и богатых. «Имярек» представляет собой исповедь грешника, для которого богатство, однако, является неотъемлемой частью его жизненного преуспевания. Социальная несправедливость, в основе которой лежит имущественное неравенство, подчёркивает автор, может быть смягчена, если богатый человек руководствуется добрыми деяниями и верой. Несмотря на сатирический образ Маммона – аллегорию богатства, моралите Гофмансталя уповает на идеалистическую идею всеобщего блага, не обостряя социальных противоречий в обществе. Консервативная позиция автора вполне согласуется с типичным средневековым разрывом между высшим идеалом и практической жизнью: «Человек Средних веков сознавал мировую дихотомию: высшему царству святости, благости и справедливости противостоит смрадный от греха и соблазнов мир земной» [Там же, 255].

Роль предтекстов в моралите Гофмансталия

Английское моралите «Всякий человек» (1490), лежащее в основе «Имярека», «... как во всех моралите, проявляется в наставлениях к Человеку – развивать свой характер и своевременно обуздывать страсти» [Алексеев 1943]. Всякий человек живёт, наслаждаясь жизнью. Неожиданно к нему приходит Смерть, призывая его на суд Божий. Он молит об отсрочке, пытается подкупить Смерть, но она неумолима. Всякий человек просит помощи у Дружбы, Родни и Собственности, но они отворачиваются от него. Только Добрый поступок и Знание обращают его к Небесным силам, и они принимают душу Всякого человека, очистившуюся раскаянием [Everyman 1973].

Моралите Гофмансталия сохраняет основные этапы развития действия английского моралите. Гофмансталь приписывает образу Смерти роль судьи в судьбе человека. Так происходило в стихотворных драмах Гофмансталия «Смерть Тициана» (1892), «Глупец и Смерть» (1893) и «Алкеста» (1894). Как и в них, Смерть настигла Имярека во время праздника жизни. Новым персонажем в «Имяреке» становится Маммон – персонификация денег и золота, гротескный образ, символизирующий маниакальную степень жажды богатства.

Кроме «Всякого человека» автор использовал «Комедию о смерти богатого человека» Ганса Сакса, «Молитву в стихах» Альбрехта Дюрера, «Сборник песен миннезингеров XIII века» и первую часть трагедии И. В. Гёте «Фауст» [Wentzlaff-Eggebert 1971]. «Имярек» Гофмансталия написан, как и «Фауст», книжельферсом – тонически рифмованным стихом. Гофмансталь мастерски стилизовал диалогическую речь персонажей под особенности речи драматических произведений Г. Сакса: шванки, нравоучительные комедии, «трагедии» и фастнахтшпили. Из других источников Гофмансталь заимствовал отдельные мотивы, яркие образы и детали.

Социальный конформизм «Имярека»

Гофмансталия глубоко тревожила разрушительная сила эгоизма людей и необузданное стремление к обогащению как причина мирской неурядицы. В статьях «Действо перед толпой» (1911) и «Старинная пьеса «Имярек» (1912) автор подчёркивал, что «в этой, принадлежащей всем временам и общепризнанной сказке», которая «ни в коей мере неразрывно не связана с христианской догмой» [Hofmannsthal 1986, 90], выражено «целостное отношение к миру нынешнего времени с невыразимо искажёнными законами» [Hofmannsthal 1986, 106]. Нынешнее время характеризовала «уверенность парить над бездной бытия», что предполагало исчезновение «понятия времени, а прошлое и будущее сливаются в одно сплошное настоящее» [Гофмансталь 1995, 603].

В «настоящем» времени центральной темой для Гофмансталия становится роль денег из трактата берлинского социолога Георга Зиммеля «Философия денег» (1900). Вслед за К. Марксом он указывал на расслоение общества, роскошь и сверхпотребление. Деньги, по мнению Зиммеля, разрушали родственные отношения, поддерживали преступность, проституцию и т.д. Альтернативой погоне за деньгами мог быть не социализм, как мыслил К. Маркс, а новая денежная общность. Деньги способствовали преобразованию социального хаоса в порядок: «обмен есть социологическое образование *suī generis*, изначальная форма и функция межличностной жизни...» [Зиммель].

По Зиммелю, деньги создали единый экономический мир, а людей объединил только денежный интерес. Деньги стали не только средством свободы, но и равенства, т.к. все равны в использовании денег. Зиммель, по сути дела, завуалировал очень важный аспект социального неравенства в обществе, который, по мнению К. Маркса, приводил к социальному взрыву и революции. Для Гофмансталия идеи Зиммеля, объясняющие стабильность и порядок в обществе, в условиях надвигающегося краха государственности в Австро-Венгрии (1918) были спасением как в общественном, так и в личном плане. Гофмансталь модернизирует в «Имяреке» отношения между персонажами, заменяя остроту социальных противоречий на целесообразность разумных денежных отношений. При этом гротескный образ Маммона, сходного по своей провокационной роли с Мефистофелем Гёте, стал символом крайнего проявления стяжательства и подвергся открытому осмеянию.

В статье «Старинная пьеса «Имярек» Гофмансталь утверждал: «Новейшее время смотрит другим, более свободным и благосклонным взглядом на «Маммона», чем старые набожные времена. <...> ... в центре внимания остаётся аллегория слуги – Маммона, который является замаскированным демоном, более сильным, чем господин, и который проявляет себя как господин своего господина» [Hofmannsthal 1986, 90].

Ирония над Бедняком

Первый диалог Имярек ведёт с Бедным соседом. Имярек владеет своеобразным «кошельком Фортуната», который позволяет ему исполнять все желания. Бедный сосед наивно полагает, что Имярек легко спасёт его от нищеты, если будет милосердным. Имярек вынимает одну монету и даёт её соседу, но тот просит ровно половину кошелька. Имярек объясняет ему важный закон жизни, по которому деньги ему не принадлежат. Деньги, по Зиммелю, абстрактное понятие для безграничного обмена всего со всем:

Laß! – Mann, da bist du in der Irr, Постой. Не знаешь вещи ты простой:

Wenn du meinst, ich könnt ohnweilen Всё, что здесь, в кошельке, лежит,
Den Beutel Geld da mit dir teilen. Уже не мне принадлежит;
Das Geld ist gar nit länger mein, Я им делиться не могу,
Muß heut noch abgeliefert sein Коль не хочу я быть в долгу.
Als Kaufschilling für einen Lustgarten¹. Его в задаток отдаю
За землю новую мою².

Тогда Бедный сосед просит отдать половину другого кошелька Имярека. Но это невозможно, объясняет он, поскольку у него много больших расходов, а свободных денег нет: деньги должны увеличивать капитал:

Mein Geld muß für mich werken und laufen, Мне деньги для чего нужны?
Mit Tod und Teufel hart sich raufen, Работать на меня должны,
Weit reisen und auf Zins ausliegen, Бороться с дьяволом и рваться,
Damit ich soll, was mir zusteht, kriegen (16). Далеко по миру скитаться
И мне доходы приносить (93).

Имярек сознает, что вокруг него много нищих и бедных людей, но всем помочь в полной мере он не может, но какую-то часть, если разделить богатство на всех бедных, – один шиллинг, он может дать. Бедный сосед соглашается на милостыню. Автор воспроизводит исключительно личные качества Бедняка. Он наивен, доверчив и необразован. Скрытая насмешка автора над ним завуалировала остроту социального конфликта в общении с богатым Имяреком.

Должник как социальный тип

Бедного соседа сменил Должник. Он появился с Женой и Детьми в лохмотьях. Должника арестовали за неуплату в нужный срок и повели в долговую тюрьму. Он объяснил, что влез в долги по вине Имярека или его управителя, поскольку они «ошиблись» в своих записях. Должник осознаёт свою правоту и вступает в спор с Имяреком, утверждая дьявольскую власть денег:

Geld ist nicht so wie andre War, Нет, деньги – не любой товар!
Ist ein verflucht und zaubrisch Wesen, Они полны проклятых чар;
Wer seine Hand ausreckt darnach, Кто протянул за ними руку –
Nimmt an der Seele Schaden und Schmach, На душу принял стыд и муку, –
Davon er nimmer wird genesen. И он спасенья не найдёт

¹ Hofmannsthal H. von. Jedermann // Hofmannsthal H. von. Dramen III. Op. cit. S. 15. Далее цитаты по этому изданию с указанием страницы в скобках.

² Гофмансталь Г. фон. Имярек / пер. Т. Щепкиной-Куперник // Гофмансталь Г. фон. Избранное. М., 1995 С. 93. Далее цитаты по этому изданию с указанием страницы в скобках.

Des Satans Fangnetz in der Welt От этих дьявольских тенёт.
Hat keinen andern Namen als Geld (19). Вот имя деньгам – сети зла! (97–98)
Имярек признался, что высшим божеством он считал деньги, поскольку в них «много новых сил» и они правят людьми и миром с Божеского согласия:
... Das alle Zeit unschätzbar ist Всё продаётся, видит Бог,
Und eingesetzt von Jesu Christ, Всё будет куплено в свой срок.
Davon ist ein gerechtsam Theil Всё и доступно, и продажно,
Für Geld halt allerwegen feil, На свете лишь богатство важно,
Darüber weiß ich keine Gewalt... (20) Им держится весь мир земной.
Не знаю власти я иной... (98–99)

Должник смело заключил, что Имярек хвалил Сатану и льстил Маммону и тем самым воздал ему честь, как Богу. Жена Должника напомнила о милосердии и любви к ближнему. Эти слова не остались неслышанными Имяреком. Он «втихомолку» распорядился помочь Жене должника и её детям. Кроме того, Имярек напрямую поставил вопрос о социальной несправедливости в мире и сам ответил на него: “Das ist seit Adams Zeit der Lauf” (22), «Так ведётся от Адама» (100). Таков тысячелетний закон жизни, и ни о каком реформировании общества не может быть и речи. Охранительная позиция Гофмансталь в социальном вопросе позволяет говорить о складывающейся позиции защитника австрийской монархии. В дальнейшем Гофмансталь будет автором консервативной идеологии, которую он назовёт «австрийской идеей» [Цветков 2015].

Гротескный образ Маммона

Пришедшая с музыкантами Страсть (Buhlschaft) устроила пир. Неожиданно из земли поднялся богато накрытый стол. Гости разгульно праздновали, а Имярек рассуждал в духе денежной философии:

Jawohl... nur bloß... mir steht zu Sinn, Что я подумал невзначай:
Wie ihr da seid hereingelaufen, Что всех вас мог бы я купить
So könnte ich euch alle kaufen И снова переуступить,
Und wiederum verkaufen auch, И пожалел бы... не шутя...
Daß es mir nit so nahe ging Не больше кончика ногтя... (111)
Als eines Fingernagels Bruch (32).

Имярек обратился к гостям с вопросом: «Разделили бы они с ним гробовое ложе?». Гости уклончиво молчали. Неожиданно для всех появилась Смерть и потребовала от Имярека «отчёта». Смерть была уверена, что спутников для Имярека среди гостей не найдётся. Так и случилось. Имярек кичился перед Смертью тем, что он богат и возьмёт с собой в мир иной всё

своё богатство – тяжёлый ларец. Неожиданно из него поднимается «толстый и огромный» Маммон:

Dein Reichtum bin ich halt, dein Geld, Твоё богатство я! Я – золото,
Dein eins und alles auf der Welt (55). Что для тебя так было свято! (135)

Маммон считал себя сильнее всех в мире, но и он отказался сопровождать Имярека. Маммон – злой демон, повелитель Имярека, управлявший им, как марионеткой. Теперь Имярек «уйдёт в царство тьмы», а Маммон «останется здесь» навсегда. На защиту Имярека приходят его Деяния (Werke) и Вера (Glaube) – сестра Деяний. Имярек признаётся, что сгубил свою душу прегрешениями, но он был верующим человеком. Вера решает, что он прощён и ему уготовано спасение. Имярек произносит молитву. Звучит орган. Неожиданно появляется Дьявол – второй демон-искуситель. Он требует грешную душу Имярека. Между Верой и Дьяволом разгорается спор. Дьявол разоблачает Имярека и доказывает, что у него с ним много общих черт. Но Вера утверждает обратное, а Дьяволу «небес не побороть». Имярек раскаялся и тем самым очистился в ожидании спасения. Деяния и Вера помогли Имяреку «войти в могилу, входя за ним» (153). В концовке моралите слышится хор ангелов: “Wie sie in ihren himmlischen Reihen Die arme Seele lassen ein” (72). «И бедная душа больная С восторгом входит в двери рая!» (153).

Моралите Гофмансталя имело большой успех. При жизни автора вышло в свет 70 изданий [Mauger 1993, 66]. Представлением «Имярека» с 1920 г. открывается Зальцбургский фестиваль. По словам автора, в нём объединились два типично австрийских начала – «театральное и духовное»: «... мы не собираемся выставлять новые требования, но хотим наконец выполнить старые» (Гофмансталь 1986, 800). Несмотря на наличие социальных противоречий в «Имяреке», заведённый столетиями общественный порядок незыблем. Жажда наживы богачей может быть оправдана как с религиозной точки зрения (раскаяние грешника), так и с новой – философской (деньги правят миром и человеком). Сверхбогатство одних предполагает бедность других. Конфликт между ними вечен и разрешается одним способом – милосердием богатых, а злоупотребление богатством в гротескной форме высмеивается (Маммон). Имярек в личных отношениях холоден и жесток. Нет пути его реального исправления в жизни, существует в предсмертный час лишь раскаяние, открывающее путь к спасению.

Литература

- Алексеев М.П. Драма в XV веке. Зарождение театра в Англии // История английской литературы. М.; Л., 1943. URL: <http://svr-lit.ru/svr-lit/istoriya-anglijskoj-literatury/moralite.htm> (дата обращения 27.09.2018).
- Андреев М.Л. Средневековая европейская драма: Происхождение и становление. М., 1989.
- Бахтин М.М. Сатира // Бахтин М.М. Собр. соч. Т. 5. Работы 1940-х – начала 1960-х годов. М., 1997. С. 26–38.
- Гофмансталь Г. фон. Зальцбургский фестиваль / пер. Э. Венгеровой // Гофмансталь Г. фон. Избранное. Указ. соч. С. 799–802.
- Гофмансталь Г. фон. Поэт и нынешнее время / пер. А.А. Гугнина // Гофмансталь Г. фон. Избранное. Указ. соч. С. 579–603.
- Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1984.
- Гуревич А.Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. М., 1990.
- Зиммель Г. Философия денег. URL: http://srinest.com/book_897_chapter_13_Georg_Zimmel_FILOSOFIJA_DENEG.html (дата обращения 20.10.2018).
- Попова М.К. Английское моралите как явление средневековой культуры // Филологические науки. М., 1992. № 5–6. С. 38–44.
- Цветков Ю.Л. Австрийская идея Гуго фон Гофмансталя в публицистике Первой мировой войны // Литература и война: ситуация 1914–1918 годов. Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. Т. 12. М., 2015. С. 220–227.
- Everyman. A morality play. London, 1906 // Hugo von Hofmannsthal. Jedermann. Das Spiel vom Sterben des reichen Mannes und Max Reinhardts Inszenierungen. Texte. Dokumente. Bilder. Frankfurt am Main, 1973. S. 213–251.
- Hofmannsthal H. von. Das alte Spiel von Jedermann // Hofmannsthal H. von. Dramen III. Frankfurt am Main, 1986. S. 89–102.
- Hofmannsthal H. von. Das Spiel von der Menge // Hofmannsthal H. von. Dramen III. Op. cit. S. 103–106.
- Mayer M. Hugo von Hofmannsthal. Stuttgart; Weimar, 1993.
- Wentzlaff-Eggebert F. W. Hofmannsthals “Jedermann” als allegorisches Spiel für die “lebendige Bühne” // Hofmannsthal Blätter. Heft 6. Frühjahr 1971. S. 461–471.

References

(Articles from Scientific Journals)

- Popova M.K. Angliyskoye moralite kak yavleniye srednevekovoy kul'tury [The English morality play as a phenomenon of medieval culture]. Filologicheskiye nauki, 1992, no. 5–6. pp. 38–44. (In Russian).

Wentzlaff-Eggebert F. W. Hofmannsthals "Jedermann" als allegorisches Spiel für die "lebendige Bühne. Hofmannsthal Blätter. Heft 6. Frühjahr 1971. S. 461–471. (In German).

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

Alekseyev M.P. Drama v XV veke. Zarozhdeniye teatra v Anglii [Drama in the XV century. The birth of theater in England]. Istoriya angliyskoy literatury [History of English literature]. Moscow; Leningrad, 1943. URL: <http://svr-lit.ru/svr-lit/istoriya-anglijskoj-literatury/moralite.htm> (accessed 27.09.2018). (In Russian).

Bakhtin M.M. Satira [Satire]. Bakhtin M.M. Sobraniye sochineniy [Collected works]. Vol. 5. Raboty 1940-kh – nachala 1960-kh godov [Works of 1940 – early 1960s]. Moscow, 1997. Pp. 26–38. (In Russian).

Tsvetkov Yu.L. Avstriyskaya ideya Gugo fon Hofmanstalya v publitsistike Pervoy mirovoy voyny [The Austrian idea of Hugo von Hofmannsthal in the journalism of the First world war]. Literatura i voyna: situatsiya 1914–1918 godov. [Literature and war: the situation of 1914–1918]. Russkaya germanistika: Ezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov. [Russian German studies: Yearbook of the Russian Union of German studies]. Vol. 12. Moscow, 2015. Pp. 220–227. (In Russian).

(Monographs)

Andreyev M.L. Srednevekovaya evropeyskaya drama: Proiskhozhdeniye i stanovleniye. [Medieval European drama: Origins and formation]. Moscow, 1989. (In Russian).

Gurevich A. Ya. Kategorii srednevekovoy kul'tury. [Categories of medieval culture]. Moscow, 1984. (In Russian).

Gurevich A. Ya. Srednevekovyy mir: kul'tura bezmolvstvuyushchego bol'shinstva. [Medieval world: culture of the silent majority]. Moscow, 1990. (In Russian).

Mayer M. Hugo von Hofmannsthal. Stuttgart; Weimar, 1993. (In German).

Zimmel' G. Filosofiya deneg. [Philosophy of money]. URL: http://srinest.com/book_897_chapter_13_Georg_Zimmel_FILOSOFIJA_DENEG.html (accessed 20.10.2018). (In Russian).

Сведения об авторе:

Цветков Юрий Леонидович, Ивановский государственный университет. Заведующий кафедрой зарубежной литературы, доктор филологических наук, профессор. E-mail: jzvetkow@mail.ru

Tsvetkov Yuri L., Ivanovo state University. Head of the Department of foreign literature, doctor of Philology, Professor. E-mail: jzvetkow@mail.ru

**КОНЦЕПЦИЯ ТРЕТЬЕЙ РЕВОЛЮЦИИ ДУХА
В ЭССЕ ТОМАСА МАННА «ГЕТЕ И ТОЛСТОЙ»**

А.И. Жеребин

Российский государственный педагогический университет
им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург

***Аннотация.** Историко-литературный этюд Томаса Манна «Гете и Толстой. Фрагменты к проблеме гуманизма» (1921–1932) – выразительный пример немецкой эссеистики XX века, последняя отчаянная попытка возрождения гуманистической традиции накануне нацистского переворота. Интерпретируя факты личной и литературной биографии Толстого на фоне жизни и творчества Гете, Т. Манн отнюдь не стремится к научной объективности. Его книга – не научное исследование, а образец синкретической философской прозы, в которой эмпирический материал проецируется на бытийные универсалии, а идея как принцип изображения сливается с художественной формой. Толстой и Гете (как и контрастная пара Шиллер – Достоевский) получают у Т. Манна функцию "personnages conceptuels" (Deleuz/Guattari 1991б 93), обеспечивающих развитие авторской мысли. Имена исторических личностей, которые они носят, в значительной степени условны, их связь не теснее, чем связь между литературным героем и его реальным прототипом. Искусство психологического портрета, яркие повествовательные эпизоды, парадоксальность философской аргументации, своевольная интерпретация обильных цитат – все служит Т. Манну средством создания художественно-идеологической конструкции, преобразующей антитезу варварской России и цивилизованной Европы в сверхнациональный миф о западно-восточном культурном синтезе. Несущим элементом этой конструкции является неохристианство Д.С. Мережковского, в котором Т. Манн узнает наследие классической немецкой культуры. Идеальная встреча Т. Манна с Мережковским происходит в общем методологическом поле, ограниченном, с одной стороны, от традиционного историко-генетического изучения литературных фактов, с другой – от филологического анализа текста как чистой художественной формы. Подобно Мережковскому, Т. Манн видит свою задачу в создании целостного образа творческой личности художника, представляющей собой сплав его личных биографических переживаний и эпохального чувства жизни, поэтики его произведений и духовного опыта их толкователя.*

***Ключевые слова:** гений, герменевтика, гуманизм, концептуальный персонаж, миф, революция духа, русская идея, синтез, утопия, эссе.*